

Литвинова Д. А.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ "КРОТКАЯ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 139-140. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ХУДОЖЕСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ «КРОТКАЯ»

Литвинова Д. А.
Магнитогорский технический университет

В текстах Достоевского нечасто встречаются понятия «воспитание», «воспитатель», «воспитывать». Однако он использует и другие выражения: «восстановление павшего человека», «самовыделка», «самодисциплина», «деятельная любовь», «нравственное благо», «духовная борьба», «самоограничение». Все они конкретизируют нейтрально понимаемое воспитание с различных точек зрения: по направленности воздействия (на другого человека, или на себя, как «самовоспитание»), по характеру протекания процесса, по результату, и т.д. Нельзя ограничивать внимание и только позитивной стороной воспитательных воздействий. Достоевского привлекают случаи противоположного рода - «анти-воспитания» (развращения) или ложных путей самовыделки человека. Писатель озабочен и озадачен тем, как непросто складываются взаимоотношения между людьми даже тогда, когда ими руководят благие порывы.

Повесть «Кроткая» примечательна тем, что представляет почти экспериментальную - в двояком понимании - ситуацию. Во-первых, экспериментальность её в художественном отношении Достоевский сам обосновывает в пояснениях «От автора». Суть их в том, что повесть дана в форме исповеди, и предполагается «фантастическая» возможность непрерывного записывания внутреннего монолога героя. Во-вторых, этот художественный эксперимент можно интерпретировать и как эксперимент воспитательный. Повесть буквально пронизана воспитательными мотивами. Для упорядочивания внимания требуются разные подходы к прояснению в ней соответствующей тематики.

Первым подходом к выявлению воспитательной тематики в «Кроткой» может послужить обращение к сюжету. Его можно охарактеризовать как воспитательный, и основания к этому дают упомянутые пояснения «От автора», в частности, следующее: «Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к правде; правда неотразимо возвышает его ум и сердце» [Достоевский: 5]. Таким образом, перед читателями должен развернуться процесс «самовоспитания», «выделки в человека». Условно это можно принять за первый, внешний уровень воспитательного сюжета.

В самой повести показана история взаимоотношений двух героев - Закладчика и Кроткой. В самом общем виде история эта сводится к воспитательному эксперименту: герой воздействует на героиню и воздействует планомерно, по некоей программе, стремясь не столько «приручить» её, сколько «переделать», заставить её иначе видеть и понимать как саму жизнь, так и их взаимные роли (благородного спасителя-мужа и спасенной благодарной жены). Однако воспитательная программа героя была обречена на ошибочность, а его воздействие на героиню - на неудачу. Позднее Закладчик сам признаёт: «Я ведь понимаю же теперь, что я в чем-то тут ошибся! Тут что-то вышло не так. Не сумел я что-то тут сделать» [Достоевский: 17]. В чем корень ошибок и неудач героя? У Достоевского не предполагается однозначного ответа, однако ясно, что ошибочной представлена не тактика, а стратегия отношения мужа к жене. Так сказывается второй условный уровень воспитательного сюжета, на котором персонажам суждено меняться под влиянием друг друга.

Наконец, можно выявить еще и третий уровень, выход на который мы видим в следующем эпизоде: «Она просто-запросто приходила ко мне тогда закладывать вещи, чтоб оплатить публикацию в «Голосе» о том, что вот, дескать, так и так, гувернантка, согласна и в отъезд, и уроки давать на дому, и проч., и проч.» [Достоевский: 6]. Здесь примечательно, что Кроткая планировала статью «гувернанткой», т. е. фактически воспитательницей детей. Этот мотив получает затем многозначительное развитие: «Она тогда из последних сил публиковалась, сначала, разумеется, заносчиво: «Дескать, гувернантка, согласна в отъезд, и условия присылать в пакетах», а потом: «Согласна на всё, и учить, и в компаньонки, и за хозяйством смотреть, и за больной ходить, и шить умею», и т. д., и т. д., а под конец, когда к отчаянию подошло, так даже и «без жалованья, из хлеба». Нет, не нашла места!» [Достоевский: 8].

С этого момента мотив «гувернантки» начинает откликаться на сюжет второго уровня, т. е. на взаимоотношения героев между собой. Это происходит по инициативе Закладчика, когда он берется поучать Кроткую (едва ли не первый его собственный опыт по воспитанию героини) - как нужно «предлагаться» на роль гувернантки: «Я решил её тогда в последний раз испытать: вдруг беру сегодняшний «Голос» и показываю ей объявление: Вот, видите, эта сегодня утром публиковалась, а к вечеру наверно место нашла. Вот как надо публиковаться! - Опять вспыхнула, опять глаза загорелись, повернулась и тотчас ушла. Мне очень понравилось» [там же]. Здесь различим совершенно неожиданный разброс предполагаемых намерений: от воспитания до разврата. Кроткая начинает с «чистой» роли воспитательницы, затем готова и на роль прислуги. А он указывает на пример замаскированной под «воспитательную» - роли сожительницы-содержанки. Тот факт, что ему понравилась ее реакция, свидетельствует о его видах и планах: герою не нужна сожительница - нужна невинная душа для воспитательного эксперимента над нею. А в конечном результате он вынужден будет припоминать и вновь переживать всё «сделанное» и пытаться понять: в чем была ошибка? кто виноват? В этом найдёт своё выражение процесс самовоспитания.

Итак, воспитательный сюжет в повести можно лишь условно дифференцировать по разным уровням. На деле все они слиты у Достоевского воедино или, по меньшей мере, выражены друг через друга. Единый, но многосложный воспитательный сюжет в «Кроткой» проходит как бы по разным *граням* значений. В целом он дает материал для характеристики художественной позиции и пафоса исканий Достоевского.

Например, В.Д.Днепров в книге о художественном опыте Достоевского высказал следующее: «Поле, на котором должен решиться вопрос будущего, остается у него /Достоевского/ единичная душа, средством поворота к будущему остается у него - в начале, продолжении и исходе - одно только свободно избранное единичное добро. «Все» для него - сумма «каждых»» [Днепров: 201]. Оснований к такому суждению творчество Достоевского даёт множество. Но убедительным представляется и совершенно иное мнение, которое у И.Л.Волгина, например, сформулировано так: «Во всем творчестве Достоевского последовательно осуществлен один обладающий абсолютной универсальностью принцип: познание самого себя невозможно без другого. Путь самопознания и самоисцеления в системе координат Достоевского есть действие, направленное на другого» [Волгин: 328]. Таким образом, в одном случае (у Днепрора) на первый план выдвигается «личностный» принцип; в другом (у Волгина) - принцип межличностных отношений. «Воспитательный сюжет» - будучи выявленным и прослеженным в разных произведениях Достоевского - может уточнять обе точки зрения, однако более убедительна оказывается при этом вторая из них.

Наряду с выявлением сюжетных закономерностей, важен другой подход - в аспекте своеобразия воспитательных средств. Одним из них является сама «фантастическая форма» повести, *исповедь*. Средство это направлено на героя-рассказчика и служит его *самовоспитанию*. Однако наиболее выразительны в повести те средства, которые использует Ростовщик для воспитания Кроткой, - в частности, *молчание*.

«Молчание» как форма общения и даже мироотношения имеет, как известно, большое общекультурное значение. Такое отношение к молчанию заложено в христианской традиции, в частности, в практике «исихазма» [Христианство: 652]. В повести Достоевского молчанию отводится необыкновенно значимая роль. Любое важное сюжетное событие так или иначе сопровождается молчанием, или даже спровоцировано им. Инициатор молчания и его подлинный виртуоз - Ростовщик. Он и прямо оговаривает предпочтение, которое отдает молчанию перед другими формами общения: «А я мастер молча говорить, я всю жизнь мою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии молча» [Достоевский: 14]. Молчание служит ему основным средством воздействия на Кроткую героиню, когда у него случаются конфликты с нею. С точки зрения воспитательных воздействий, *молчание* Ростовщика можно расценивать как основное для него *средство наказания* Кроткой. Но это далеко не примитивная в понимании героя мера воздействия. Он не просто обделяет молодую жену своим вниманием, а скорее, насильственно приобщает ее к привычному для себя мироотношению и самочувствию. Молчание по ходу сюжета повести становится для героя и образом жизни, и его второй натурой - как в кризисные, так и в спокойные периоды. Под этот стиль жизни он *гнул* и на время действительно согнул самобытную натуру кроткой жены.

Во всех случаях молчание героев повести носит сложный, неоднозначный характер. Однако итогом повести оказывается преодоление молчания и запоздалое обретение героем дара речи. Он понял, что молчание - это не глухая стена, не барьер между людьми, а скорее - гибельная для человечности «среда», которую люди сами создают вокруг, замыкаясь в себе. Нужно открываться навстречу друг другу, наполнять жизнь своим душевным содержанием, вкладывать его в личные взаимоотношения. Только такие условия будут живительными для каждого и благоприятными для воспитательного влияния друг на друга. Этот итог повести явился художественным выходом Достоевского к одной из заветных для него идей.

Список использованной литературы

1. Волгин И. Достоевский и процесс мирового самопознания // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Материалы Международной конференции. - М.: «Грааль», 2002. - С. 322-335.
2. Днепров В.Д. Идеи. Страсти. Поступки. Из художественного опыта Достоевского. - Л.: Сов. писатель, 1978. - 384 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. - Т. 24. - Л.: Наука, 1982. - С. 5-35.
4. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. - Т. 1. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. - 863 с.

ЛЕКСИКА СТИЛИСТИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ “GENOVEN” И “BILDUNGSSPRACHLICH” И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Лосева Н. В.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В данном исследовании были рассмотрены лексика возвышенного стилистического слоя лексики современного немецкого языка в количестве 265 лексических единиц, а также слова стилистического уровня “bildungssprachlich” в количестве 24 единиц. Все описываемые лексемы были разбиты на тематические группы и подвергнуты сопоставительному анализу в шести лексикографических источниках. Такими источниками послужили словари серии DUDEN и некоторых других редакций:

DUDEN. Bedeutungswörterbuch. Der Duden in 12 Bänden: Band 10, 1985.

DUDEN. Stilwörterbuch. Der Duden in 12 Bänden: Band 2, 1988.

DUDEN. Universalwörterbuch, 1996.

G. Wahrig. Deutsches Wörterbuch, 1986/ 89.

H. Paul. Deutsches Wörterbuch, 1992.

R. Klappenbach, W. Steiniz. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 6 Bänder, 1978.